

В. Головин

ИСТОРИЯ КРИТИКИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОБЗОР НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

В ноябре 2015 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошел семинар «Воспитание нового читателя (к 150-летию критики детской литературы)»*, а на Международной конференции-форуме «Детская литература как событие» (Москва, МГПУ, 11–13 декабря) была организована секция «Критика детской литературы: история и теория». Оба научных события были связаны не только общими участниками, но и общностью научных интересов и методов.

Если резюмировать выступления участников двух названных встреч, то они были посвящены малоизученным проблемам истории и теории отечественной критики детской литературы за весь полуторавековой период ее существования: становлению критики детской литературы как реакции на появление дилетантской и графоманской литературы, спору о сказке в детском чтении в середине XIX в., формированию канона в детской литературе, критике произведений детской литературы в педагогических журналах, трактовке «взрослой литературы» как материала для детского чтения, изменению во времени критических взглядов на творчество одного автора, критической реакции на детские книги, освещающие значимые социальные и политические события, цензуре детской литературы, феномену детской критики (критики детской литературы детьми), критике детской литературы русского зарубежья, знаковым фигурам русской критики детской литературы.

На семинаре в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН первый доклад был посвящен самому раннему этапу становления критики детской литературы. А. Костин (ИРЛИ) в докладе ««Бедные дети», «не-что неопрятное» и воздействие критики на автора: Борис Федоров

* Семинар проведен при поддержке гранта РГНФ «Воспитание нового читателя: литература для детей в педагогической критике и цензуре (1864–1934)» 15-06-10359.

в журнальных отзывах 1820–1840-х гг.» показал, что творческая биография Б. М. Федорова во многом была скорректирована усилиями критиков: наиболее продуктивный период его опытов в детской литературе приходится на конец 1820 — середину 1830-х гг., когда его сочинения для детей (в отличие от драматических или лирических) впервые получают положительный (хотя и сдержанный) отзыв критики. Этот относительно благополучный период заканчивается для Федорова с приходом в критику В. Г. Белинского, выбравшего Федорова одной из основных мишеней в борьбе с коммерческой детской литературой. Стигматизация «детского» сочинительства, осуществленная Белинским, привела к тому, что попытки Федорова вернуться в литературу с «серьезными» сочинениями (роман, трагедия, имитация салонной поэмы сер. XVIII в.) в начале 1840-х не увенчались успехом. Федоров был выдвинут из литературы, что в итоге спровоцировало формирование вокруг его персоны образа мракобеса, борющегося с «новыми» авторами в качестве теневого цензора и поставщика сведений III Отделению Е. И. В. Канцелярии.

Большая часть докладов семинара касалась исследования критики детской литературы в педагогических журналах середины XIX в.. В докладе М. Костюхиной (РГПУ) «Критики из министерства (по материалам «Журнала Министерства народного просвещения»)» был представлен обзор критики детской литературы в «Журнале Министерства народного просвещения». По мнению М. Костюхиной, рецензия, напечатанная в таком официальном издании, была одновременно и педагогической рекомендацией, и министерским распоряжением, и цензурным разрешением. Автор доклада предполагает, что направления и даже стилистика критических статей определялась министром просвещения и редактором журнала, которого он и назначал. Так, в эпоху министерства графа С. С. Уварова (с 1833 по 1849 гг.) журнал служил площадкой для обсуждения идей народности, что определило пафосно-романтический стиль критики (редактор А. А. Краевский). При министре просвещения Е. П. Ковалевском (с 1856 по 1861 г.) тон в журнале задавали сторонники реального образования во главе с К.Д. Ушинским. Во время руководства А. В. Головнина (возглавлял ведомство с 1862 по 1866 г.) в критических статьях господствовала либеральная риторика. Впоследствии, в 1870–1880-х гг., по мнению М. Костюхиной, обзоры изданий для детей были вытеснены публикациями о древней литературе и языках, а сам журнал стал стартовой площадкой для карьеры будущих цензоров.

В докладе К. Зубкова (ИРЛИ) рассматривалась критическая концепция педагога М. Ф. Де-Пуле, согласно которой литературная критика должна таким образом трактовать произведения «взрослой» литературы, чтобы они могли восприниматься как детские. Эту теорию докладчик сопоставлял с современной ей «реальной» критикой Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

А. Ф. Белоусов посвятил свое выступление «Борьба со сказкой в 1860 гг.» начальному этапу отечественной полемики о пользе/вреде сказки, которая, как известно, не утихала вплоть до 1930-х гг. Автор доклада уточнил позицию Ф. Г. Толля, которого впоследствии представляли как безусловного «отрицателя» сказки. Взгляды Ф. Г. Толля по данному вопросу возникли, как считает докладчик, под влиянием критических статей В. Г. Белинского, связанных с критикой романтизма и считавшего, что развитие и «возбуждение» фантазии у детей ведет к сдерживанию развития других интеллектуальных способностей. Позиция Ф. Г. Толля в отношении сказки была несколько сложнее, он, например, рекомендовал сказки Андерсена для детей старшего возраста и считал сказку позитивным материалом для «пробуждения любознательности и фантазии у детей», но только для тех, кто «в слабой степени одарен умом и воображением». А. Ф. Белоусов представил позицию в отношении сказки Е. К. Кемница — преемника Ф. Г. Толля в критико-библиографическом отделе журнала «Учитель». В его рецензиях на полное собрание сказок Андерсена, он отмечал что: «фантастические сказки есть самый худший род чтения для детей», что они не могут «сообщить детям правильный, трезвый взгляд на вещь или чтобы приучить их к строго логическому мышлению» и вообще, сказки Андерсена представляют собой «бред расстроенного воображения». Позиция Е. К. Кемница архаична и удивительным образом отвечает принципам классицистической эстетики. Автор доклада предполагает, что критика сказок в 1860-е гг. так или иначе связана с отрицанием культурного наследия романтической эпохи, для которой сказка была одним из ведущих литературных жанров.

Проблема изучения педагогических взглядов на детскую литературу и детское чтение, а также формирование литературного канона для детей была продолжена в докладе О. Лучкиной (СПб-ГИК) «Raison d'être русской классики: поэты-педагоги и писатели-воспитатели». Докладчик показал, что в 1860–1880-е гг. русская литература закреплялась в сознании педагогов как воспитательно-образовательный материал для детского чтения. В докладе

рассматривались писатели, включенные в литературный канон для детей, и критерии, на основании которых происходил их отбор. Материалом работы послужил количественный обсчет более четырех тысяч (4018) упоминаний писателей в рецензиях, обзорах, комитетских «одобрениях», списках и каталогах, размещенных в педагогических журналах: «Журнал Министерства народного просвещения», «Педагогический сборник», «Женское образование» [Лучкина 2015, с. 30—51].

Курьезному случаю в истории критики и цензуры детской литературы, но тем не менее отражающему «запретительную» тенденцию в оценке детской книги, был посвящен доклад В. Головина «Парадоксы критики детской литературы. Запрет книги по 1001 статье уголовного закона». В выступлении рассматривалась история издания и причины запрета книги С. Юшкевича «Голуби. История красноголового голубя, его жизнь и приключения» (М., 1914), в которой критики усмотрели признаки порнографии. Парадокс ситуации заключался в том, что в книге не было не только признаков порнографии, но она и не предназначалась для детей. Но критики и эксперты по формальным признакам (формат, печать, обложка, иллюстрации) признали издание детским, что обусловило последовавший запрет на ее распространение [Головин 2015, с. 52—64].

Исследование методологических позиций критиков детской литературы предлагалось в докладе С. Маслинской (ИРЛИ) «Критик детской литературы 1920—1930-х гг.: штрихи к коллективному портрету», в котором докладчик рассмотрела критические статьи Михаила Абрамовича Гершензона, вышедшие в 1927—1934 гг. и посвященные детской литературе. В потоке педагогической критики 1920—1930-х гг. труды М. А. Гершензона демонстрируют дисциплинарно новые подходы: литературоведческий анализ поэтики и внимание к проблемам социологии чтения. Терминологический аппарат и аналитический инструментарий критика свидетельствуют о редких попытках применять на рубеже 1920—1930-х гг. формалистские методы анализа к детской литературе [Маслинская 2015, с. 65—75].

В выступлении И. Сергиенко (СПбГИК) «Что такое детская литература: от критиков XIX в. к исследователям XXI в.» анализировалась проблема формирования представления о предмете и границах детской литературы в исторической ретроспективе. Отмечалось, что в рамках педагогического подхода понятие «детская

литература», по большей части, совпадает с понятием «круг детского чтения», за счет чего корпус текстов, относимых к «детской литературе», неоправданно расширяется, включая в себя произведения мировой и отечественной классики: от эпоса о Гильгамеше и Илиады до прозы Голдинга и Сэлинджера, но исключая при этом большую часть массива литературы собственно детской как «недостаточно художественной».

Такой взгляд на детскую литературу возник в педагогической критике еще в 1840–1950-х гг. и занял доминирующую позицию во второй половине XIX в. и начале XX в.. Попытки ограничить корпус детской литературы произведениями, целенаправленно написанными для детей, были предприняты в первой четверти XX в. такими критиками, как Н. В. Чехов, А. К. Покровская, библиографом И. И. Старцевым, и продолжены исследователями 1940–1950-х гг. Е. П. Приваловой и А. П. Бабушкиной. Однако, как отмечалось в докладе, педагогический подход к предмету детской литературы сохранил приоритетную позицию как в советской, так и в постсоветской исследовательской традиции, в связи с чем вопрос о дефиниции понятия «детская литература» остается открытым и дискуссионным [Сергиенко 2015, с.76–94].

Секция «Критика детской литературы: история и теория» на московской международной конференции-форуме «Детская литература как событие» (МГПУ, 12 дек. 2015) открывалась докладом И. Сергиенко (СПбГИК) «Андерсен как детский писатель в оценке русской критики: XIX — XXI в.», в котором отчасти было продолжено и развито исследование русской критики творчества Андерсена, начатое на петербургском семинаре А.Ф.Белоусовым. Первые отклики на творчество Х.-К. Андерсена для детей появились в русской критике в 1850-е гг., фактически одновременно с зарождением критики детской литературы как таковой. С тех пор отечественные критики не обходят своим вниманием творчества и личности датского сказочника, предлагая различные интерпретации и оценки, в ракурсе которых образ Х.-К. Андерсена трансформируется от «могучего старца», «добротного сказочника», «христианского наставника» до патологического визионера, социопата, графомана и «вредного выдумщика». Любопытно, что одни и те же произведения Х.-К. Андерсена позволяют критикам разных эпох оценить его творчество как революционно-демократическое или «проникнутое духом христианства», как дидактическое или антидидактическое.

В докладе были прослежены общие закономерности развития критики детской литературы, рассмотрены критерии «хорошей/плохой детской книги», предлагаемые педагогической критикой разных эпох.

Доклады на секции московской конференции, преимущественно были посвящены критике детской литературы в XX в.: от Первой мировой войны до «оттепели».

Доклад О. Мязотс (ВГБИЛ) «Критика детской литературы в России в годы Первой мировой войны» был посвящен в первую очередь обзору критических статей в журналах о детском чтении «Новая детская литература» (Москва) и «Что и как читать детям» (Санкт-Петербург — Петроград). Русские детская книга времен Первой мировой войны почти не сохранилась, поэтому о детской литературе той поры нам известно крайне мало. В первой части доклада автор показал что, репертуар детского книгоиздания, если судить по публиковавшимся обзорам книжных новинок, был весьма широк, а анализ специализированной периодики свидетельствует, что в предвоенное десятилетие детскому чтению и детским книгам в России уделялось большое внимание: обзоры книжных новинок печатались в различных изданиях, обсуждалось не только прикладное педагогическое предназначение детской литературы, но и эстетические требования к детской книге, а также психологические аспекты восприятия текста юными читателями.

С началом Первой мировой войны интерес к детскому чтению не ослаб. Преодолев растерянность первых месяцев войны, литературные и педагогические журналы вновь начинают публиковать подробные обзоры новинок детской литературы, где пристрастно анализируется влияние различных текстов на юного читателя. Прогрессивные педагоги и литературные критики того времени ставят перед собой задачу уберечь молодое поколение от пропаганды шовинизма и национализма, процветавшей на страницах бульварной прессы и многочисленных дешевых брошюр. Одновременно они пытаются использовать интерес детей к другим странам и культурам (пусть даже к странам-противникам) не во зло, а во благо — как повод закрепить в детской душе гуманистические ценности человеческого духа, ярко выявившиеся в великой мировой войне. «Правильно проводимое чтение и вдумчивое обсуждение прочитанного может многое представить ребенку в ином свете и помочь увидеть ему человека и во враге» (Е. Елачич). Подобное ответственное отношение к войне является, как считает автор

доклада, логическим развитием гуманистических принципов, как основы патриотизма, утверждавшихся русской литературой XIX в.. К сожалению, эти идеалы были вскоре заменены на противоположенные — принцип социалистического гуманизма, при котором во главу угла ставилось уже классовое разделение и безжалостное отношение к любому противнику — «Если враг не сдается — его истребляют» (Максим Горький).

Вопрос критики детской книги в эмигрантской среде был представлен в докладе А. Димьяненко (СПбГИК) «Критика детской литературы русского зарубежья в 1920-е гг. на страницах журнала «Русская школа за рубежом»». Критика детской литературы в эмиграции возникла на фоне ненормированного и эпизодического книгоиздания и книгообеспечения в школах и гимназиях учащихся детей-беженцев. В таких условиях изучение детской литературы при ее эпизодическом выпуске кажется невозможным. Однако в 1920-е гг. на средства Всероссийского Союза Городов и Объединений российских земских и городских деятелей (Земгор) в Праге начинает издаваться педагогический журнал «Русская школа за рубежом» (1923–1931). Решительным шагом к исследованию репертуара детского чтения стало появление в нем рубрики «Библиография» с обзорами русских и иностранных детских книг, журналов, учебников и методической литературой для педагогов. Рецензии книг часто предварялись обзорными статьями: «Основные задачи детского чтения» (Е. Елачич), «Детская литература» «Детская и юношеская литература: В поисках нормального детского каталога» (Н. Парманин), «Детские библиотеки в СССР» (Н. Н.) и т. д. Авторами рецензий выступали редакторы журнала, ведущие педагоги и философы эмиграции — Н. Ганц, С. Гессен, В. Зеньковский, Е. Елачич, С. Карцевский, И. Лапшин, А. Маклецов, Н. Могилянский, Н. Новожилов, С. Орлов, А. Павлов, С. Сирополко, Д. Чижевский, а также члены Комиссии по детскому чтению при Институте изучения России (Прага).

В выступлении также рассматривались содержание и адресация рецензий и обзорных статей, структура аргументации, система отбора литературы в рубрику «Библиография. Детская литература» в журнале «Русская школа за рубежом» в период с 1923–1930 гг. [Димьяненко 2015, с. 95–104].

На материале статей и докладов директора Детгиза К. Ф. Пискунова и главного редактора В. Г. Компанийца и печатных изданий Дома детской книги Детгиза в выступлении О.Симоновой

(ИМЛИ) «Детская книга в фокусе влияний (Детгиз в 1950-е гг.)» предпринята попытка восстановить «авторerefлексию» детской литературы в послевоенное время (конец 1940 — 1950-е гг.).

В условиях тотального государственного контроля в советское время уникальная роль формирования литературного канона в детской литературе (путем приоритетного права выпуска книжной продукции для детей) была отдана издательству Детгиз. Требования Детгиза, предъявляемые к детским писателям и детской книге, совмещали функции управления и критики. Внелитературные факторы (политические, педагогические и др.) оказывали на детскую литературу огромное влияние. Вручение Сталинской премии закрепляло статус произведения в детской литературе. Например, повесть Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома», получившая третье место на конкурсе издательства, обращает на себя внимание Детгиза только после того, как была отмечена Сталинской премией в 1952 г. Требования к детской литературе в 1940–1950-е гг. эволюционировали в зависимости от политической обстановки. Если после войны основной задачей стало воспитывать патриотизм в детях и готовность защищать родину, то к середине 1950-х все сильнее звучит требование показывать героев из тружеников мирного времени, находить романтизм в повседневности, обратиться к теме семьи, пионерской теме.

С 1941 г., после передачи издательства в ведение Наркомпроса РСФСР (впоследствии — Министерство просвещения РСФСР), большое влияние на издательство начинают оказывать педагоги. Основной задачей детской книги становится воспитание детей. То есть в первую очередь книга должна была быть инструментом воздействия, а во вторую — произведением искусства. Педагогический заказ отразился и в том, что половину изданий Детгиза составляли классические произведения русской литературы, в т. ч. выходявшие в серии «Школьная библиотека».

В издательском дискурсе причудливым образом объединяются фигуры А. М. Горького и Н. К. Крупской, становясь ориентиром для дирекции как основоположники и теоретики советской детской литературы. При этом не учитывается, что Горький и Крупская имели противоположные взгляды на литературу, были в 1920–30-е гг. оппонентами (борьба за сказку, изъятие книг из библиотек и др.).

Доклад С. Маслинской (ИРЛИ) «Новая детская литература: история понятия в отечественной педагогической критике» был

посвящен истории понятия «новая детская литература», его функционированию в литературной и педагогической критике на разных этапах ее развития. Несмотря на то что в последние годы стало принято говорить о появлении «новой детской литературы», как номинации называющей некое новое явление, как инструмент описания она вполне традиционна для критики детской и не только детской литературы. Новая детская литература — это преимущественно реалистическая литература, в которой появляются новые, с точки зрения критиков, темы. В 2000-е гг. после расцвета массовой литературы нереалистической парадигмы и авангардистской игры 1990-х., реализм снова вышел на арену. С точки зрения докладчика, это произошло потому, что при сохранении литературного плюрализма критический реализм с его миметическим письмом, с его «отражением действительности», с его претензией на достоверность всех форм и уровней (физиологической, психологической) — это единственный метод, который может претендовать сейчас на звание «новой детской литературы». При том, что он подпитан современной западной детской литературной традицией, усложнен за счет иррациональных элементов (магический реализм), но именно он позволяет применить к детской литературе не эстетические, а педагогические критерии анализа (польза литературы и границы допустимого в изображении). Детская литература понимается в современной критике как инструмент педагогического воздействия, а не как эстетическая система. С. Маслинская приходит к выводу, что понятие «новая детская литература» появилось вновь, потому что педагогическая критика иначе, как пересказывать провокационные сюжеты и комментировать «достоверные» образы, не способна анализировать детскую литературу: критикуемый современными экспертами корпус текстов — это не какая-нибудь действительно новая в эстетическом отношении детская литература, это та литература, которая доступна пониманию наивно-реалистических критиков.

Полемика о достоверности оценки детских книг самим юным читателем, начатая еще в книге Е. Елачица «Сборник статей по детскому чтению» 1914 г. была продолжена в докладе М. А. Литовской (ИИА УрО РАН) «Дети как критики детской литературы». Были проанализированы тексты детской критики с точки зрения самостоятельности, шаблонности и особенностей критериев оценки. Автор также осветил специфические вопросы «авторства», организаций «детских жюри» и мотивированности юных критиков.

Заключил заседание секции доклад И. Н. Арзамасцевой (МГПУ) «Критика детской книги в годы «оттепели»: официальный заказ, общественный запрос и свобода творчества». Исследуя газетные материалы 1953–1955-х гг., в которых отражена организационная и дискуссионная стороны литературно-издательского процесса, И. Арзамасцева показала драматическое возрождение критики в контексте изменений, охвативших все институции: Детгиз, Союз советских писателей, Дом детской книги, «старую» большевистскую общественность, министерство просвещения и стоящие за всеми партийные органы. Представлены позиции С. В. Михалкова, В. М. Померанцева, А. Л. Барто, Е. Л. Шварца, Ст. Рассадина, Л. К. Чуковской, С. Сивоконя, Т. Г. Габбе, А. И. Еремеева (Л. Пантелеев), Д. Д. Нагишкина и др.

Спектр исследуемых тем и проблем, представленный участниками семинара и конференционной секции, показал дальнейшую необходимость исследования отечественной критики детской литературы, изучение которой до настоящего времени велось достаточно фрагментарно.

Источники

Головин В. В. «Голуби» С. Юшкевича 1914 г.: случай запрета порнографии в детской книге // Детские чтения. 2015. № 2 (008). С. 52–64

Димяненко А. Особенности издания детской книги русского зарубежья в 1920–1940 гг. // Детские чтения. 2015. № 2 (008). С. 95–104.

Лучкина О. А. Raison d'être русской классики: поэты-педагоги и писатели-воспитатели // Детские чтения. 2015. № 2 (008). С. 30–51.

Маслинская С. Г. Михаил Абрамович Гершензон: профиль критика в детской литературе в 1920–1930-е гг. // Детские чтения. 2015. № 2 (008). С. 65–75.

Сергиенко И. Концепции педагогической критики XIX в. в истории изучения детской литературы // Детские чтения. 2015. № 2 (008). С. 76–94.